

Андрей Кайгородов
Воздух

СТИХИ И ПОЭМЫ

Андрей Кайгородов

Воздух

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18515128

ISBN 9785447477141

Аннотация

«Вот он мой „Воздух“ – разлившийся, как молоко, из поврежденного ржей бидона, кисло-унылый, как искаженное мукой лицо». Воздух автора очень разный – от легкого, прозрачного и чистого до густого, черного, словно дым, затрудняющий дыхание, разрывающий легкие содержащимися в нем нечистотами. Сборник «Воздух» объединяет в себе стихи и поэмы, написанные автором за двадцать с лишним лет его служения поэзии.

Содержание

Из сборника стихов «Великий некроромантик»	8
Запах на мёртвом человеке	8
«Светись в беспомощных тисках заката...»	10
«В вашем милом личике...»	12
«Выкрутив голову...»	13
«У нашей Маши кашель...»	15
«Есть все в этом мире и звук, и скворечник...»	17
Святая лира	19
«Я сплю и вижу сон, в нем ты и я...»	21
Женский труд	23
«Былое, быль, увядший свет зари...»	24
Розовый дождь	25
«В твоих глазах...»	27
«В безжизненных потоках вод...»	28
«Луна по бархату ночного неба плыла...»	30
«Пасмурным днем...»	31
«Я был рад беспечности незнания...»	32
«Товарищ высокого роста...»	33
«В моей влажной уютной помойке...»	34
«Умри мой страх, мой тлен и голод...»	35
«Паронитовые братья...»	36
Иван Троегубов и его нелепая смерть	37

«Воздух после дождя...»	40
«Когда после долгого сна...»	41
Сон некрофила	42
Из сборника стихов «Марфа»	43
Сиа́мские рты	43
Ангел	44
«Никому не скажу...»	45
«Как прекрасно дерево...»	46
«Афтандил, попавший в сочетанье...»	47
«Размеры глупости твоей...»	48
«Послушайте как трепещет...»	49
Твоя вагина	50
«Еще не знали мы тогда...»	51
«Мой глазик икотой наполнен...»	52
«Я спать. Ты думаешь?»	53
«Все, все весна...»	54
«Пришел я в гости к лесорубу...»	55
«О вдохновенный ритуал...»	56
«Все суки на одно лицо...»	57
«Когда я просыпаюсь, то сразу улыбаюсь...»	58
«Утопи меня в рассоле...»	59
«Бактерии, как грибы, развиваясь, кусаются...»	60
«Я летел весенней мухой...»	61
«Мне приснилась девочка...»	62
Ма Р фА	63

«Сколько утренних закатов...»	64
«Вечность кажется маленьким летящим шариком...»	65
«Не один из смертных...»	66
«Чуть скрипнула кровать...»	67
«Не за талию кочевник...»	68
«Прожигающий безудержность своих откровений гений...»	69
«Сольется дождь...»	70
«В шарике девочка...»	71
«Весна простудой в двери постучалась...»	72
«Подыхая в сортире от вони...»	73
«Сколько ей было, когда она впервые...»	74
«Я там, где ты прольешь свой отголосок дня...»	75
«Где-то качается лодочка...»	76
посвящение к. н. в.	78
Что за зверь человек	80
«Стойка и скворечник...»	82
Русская зима	83
«Сладок сон унылой осени...»	84
«Как тайна шелушится...»	85
«Дояр Петров ненавидел коров...»	86
«Я жеманница...»	87
Жертвоприношение	88
Боги	90

«Отпущенная в слове реальности бытийность...»	91
«Из весла семи уключин...»	92
Вакханка	94
«Светло ли небо души твоей?»	95
«Три гневных пса...»	96
«Я и мир...»	98
«Премудростью буковок-крюковок...»	99
Из сборника стихов «В пространстве куба»	100
Стихи...	100
В пространстве куба	102
«Мыслить рисунками —...»	103
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Воздух
СТИХИ И ПОЭМЫ
Андрей Кайгородов

© Андрей Кайгородов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Из сборника стихов «Великий некроромантик»

Запах на мёртвом человеке

Цвет крови, цвет помоев, цвет сирени,
Плохая сказка в тридцать три ступени,
На свет труп девки отмороженной и грязной,
Салазки, маски, дикие олени.
Кричу руками, розовые щёки
Сползают медленно по обгоревшему закату.
У этих ног густая пелена восьмёрок,
У этих губ поношенное знамя.
На кол наткнувшись пузом иль коленом,
Не замечая ритм коня-калеки,
Прокусывая шею одеялом
От запаха на мёртвом человеке.
Назвав три точки, семь зловонных капель
Кубами меряя пространство, дыры, время.
Я силюсь позабыть, но тщетны все старанья,
Меня тошнит от запаха на мёртвом человеке.
Я задыхаюсь в твоих сточных плоских гранях
И, оголяюсь нервом иль привычкой,
Влюблённую пьянчужкой забываясь,

Я пробую найти к замку отмычки.
Но глыба нечистот, тоски и боли
Комками грязи, лезвием по мясу,
Кричать напрасно, выть, кусать и плакать,
Когда на мёртвом человеке запах.
Пред зеркалом без глаз, без паутины,
Слюною едкой утопаю в раме,
Ведь это я с пробитыми руками
Себя же к стенке прибиваю...

«Светись в беспомощных тисках заката...»

Светись в беспомощных тисках заката
Злато. Бесформенным распятием ада
Вонзи своё тугое жало
В беспомощную твердь забрала
И ороси пыльцой кровавой тугую плоть.

Скреби зубами бесконечность,
Огнём пылающую вечность
У врат конца и без начала
С причала в омут на живца.

Офелия – безумная старуха
Вниз, по теченью кверху брюхом.
Раскалывая льды и ямы
Вершины гор, дворцов сараи
Являлась в облике забавы
На милых шуток карнавалы.
И напивалась кровью алой
Из ран беспечных мудрецов.

Заросших гнилью и червями,
Покрытых плесенью и пнями
С расплавленной, как сыр печёнкой

И вечной, как помой водкой.

Светись рассветным колыханьем,
Ненужным званием позвенов,
Молись покуда есть страдания,
Покуда ты не выйдешь весь.

«В вашем милом личике...»

В вашем милом личике
Бледность и усталость.
Всё казалось вечностью,
А осталось – малость.
Как в какой-то повести
Злой и непонятной
Вы лежите в гробике
Чистой и опрятной.
Чьи-то губы алые
Лоб ваш покрывают,
Чьи-то руки жаркие
Слёзы вытирают.
Только вам неведомо,
Вот какая жалость,
Что на вашем личике
Бледность и усталость.
Зеркала завешаны,
Всюду тишина
И лишь кто-то скажет вам
Тихо, не спеша —
Упокойся с Господом,
Бедная душа.

«Выкрутив голову...»

Выкрутив голову,
Как стеклянную лампочку,
Выключив свет,
Перекусив пальцем веточку,
Нагруженную систематической вечностью,
Я питаюсь снегом и воздухом,
Воздухом сна.
От одного до другого холмика,
Покрытого плесенью,
Невысыхающей радостью,
Тупым предчувствием смерти
И черными дырами
Двояковыпуклых линз.
Лизни меня в губы
Холодным прищуром гаденьких глазок,
Заплывших толстым салом цинизма,
Мерзкой похотью трясущихся пальчиков,
Жаркими вздохами посторгазмических слов.
Лекарь безжалостный,
Поедающий мозг.
Спираль моей давшей трещину лампочки,
И цыпочки лапочки,
Падкие, гадкие,
Мягкие тапочки,
Точат оскалы шершавыми языками

И ждут начала безумного праздника
В ночь полнолуния, забвенья и радости.

«У нашей Маши кашель...»

У нашей Маши кашель,
Температура и понос,
Климакс, заварка на верхней полке,
Пять таблеток на всякий случай
И музыка.
Две табуретки,
Распиленные лобзиком на 24 части.
Ужас в ванной,
В прихожей торшер, интерьер,
Оставляет желать лучшего
Ее внешний вид.
Она третью ночь не ест, не спит,
Твердит о чем-то украдкой,
Не смотрит в дверной глазок,
Лишь грызет черный сухарь,
И нам кажется,
Что ей это нравится,
И нам кажется
Что она красавица.
Нам кажется, что она...,
Но нам только кажется,
Мы не знаем когда луна
Вновь откроет глаза.
И кто-то нам улыбается,
И кто-то нас пугается,

И все-то нам только кажется.

«Есть все в этом мире и звук, и скворечник...»

Есть все в этом мире и звук, и скворечник,
Пьяный водитель и ржавый подсвечник.
Есть маленький зайчик в пасти у волка,
У деда Михея есть пес и двустволка.
Есть рыба, живущая в море и речках,
Есть черти, живущие в речках и печках,
Есть мячик у девочки Тани большой,
Есть в сказке медведь с деревянной ногой.
Есть звезды на небе и космонавт
Летает в ракете, есть в джунглях удав.
Есть снежные горы, скопцы и сараи,
Есть бронепоезд, ишак и Гавайи,
Спешащие дети, пустые бутылки,
Научные взгляды, дома и пластинки,
Жвачки, проходы, магнит и невесты,
Есть дядьки и тетки, любовь и инцесты,
Дела и заданья, улыбки и шахты,
Кровать, самокаты, карты и платья,
Замки на сапожках и бородавки,
Полено, бесплодье, арбуз и канавки.
Есть слово, которым кого-то ругают,
Трава есть, её коноплей называют,
Есть Винни-Пух и ослик Иа,

Удав есть, тот, что вена одна.

Есть мост и машины, кювет и гараж,

Ежик, похмелье, есть наш и не наш,

Есть фантик и слон, живущий в Каире,

В общем, хватает дерьма в этом мире.

Святая лира

У берегов молочного эфира
Ты жадно ртом глотаешь злой мороз
Твоя непогрешимая, святая лира
Все больше обнажает юный торс

Уже трясутся от мороза губы
Уже сосульки на ресницах и носу,
А ты безжалостно срываешь с плеч нагрудник
И восклицаешь: «Я тебя люблю!»

А лиру уж колотит с непривычки,
Она уже хоть с кем согласна переспать,
Но твои дикие, ужасные привычки
Ее готовы словно липку ободрать.

И чувствуя энтузиазм и силу
Невиданный доселе творческий подъем
С нее сдираешь ты последнюю штанину,
И соблазненный наготой ее кричишь:
«Как я в тебя влюблен!»

Но лира, коченея от мороза,
Не в силах, что-либо тебе отдать.
Упала в снег, как почерневшая береза,
И ты не в состоянии ее поднять.

Ты плачешь наклонясь над юным трупом,
Ты просишь нежности и теплоты,
Нажравшись спирта, ты рыдаешь тупо,
И все твердишь: «Приди ко мне, приди».

И озверев до помутнения рассудка,
Ты начинаешь с ней любовную игру,
И получаешь несварение желудка,
И звание поэта на миру.

У берегов молочного эфира
Ты жадно ртом глотаешь злой мороз,
Твоя окоченевшая, святая лира
Лежит в углу и преет, как навоз.

«Я сплю и вижу сон, в нем ты и я...»

Я сплю и вижу сон, в нем ты и я
В бескрайних лабиринтах века,
Где осень – ты, а я – весна,
Где я – Ромео, ты – Джульетта

Лишь губ твоих дыханье и тепло
И сладострастья бурное веселье
Ах, как прекрасно глаз твоих стремленье,
Смотрящих на меня сквозь мутное вино.

«Проснись, – кричишь мне ты, – я таю, увядаю,
Я погружаюсь в мерзость, кровью истекаю,
А ты, слепец влюбленный, спишь и видишь сны,
Погрязший с головой в свои мечты».
И ты не в силах удержать свой крик,
Рвешь на себе парчовые одежды,
А я смеюсь, как праздные невежды
И все как прежде вижу сны.

Твой взгляд окаменел и тело стало липко,
Ты как змея, собака, как улитка,
Упала в грязь и пробуешь взлететь
Иль встать или хотя бы зареветь,
Но тщетны все попытки,
Как свинья ты ползаешь в грязи

И просишь у меня подать руки.
А я на пададь падок,
Словно муха на гнойную болячку сел
И гадить принялся в твою больную душу
Сначала робко, но затем стал смел.

В бессилии своем ты тягостно стонала,
А я все глубже погружал отравленное жало
В твой мерзопакостно трагичный быт,
И насладившись муками твоими, я стал сыт.
Насытившись тобой до опьянения,
Я вскоре тягость осознал похмелья,
Но увидавши мутное вино, я сделал два глотка
И опустился в новое г...о.

Женский труд

Воспой мне, женщина, нелегкий женский труд,
Стремленье к совершенству и мытье посуды,
Бескрайние просторы нечистот,
И торжество продажной поп – культуры.
Твой белый флаг, застиранный до дыр,
Он символ подвенечного наряда,
С ним ты шагнула гордо в мир,
В мир сладострастья и разврата.
Воспой мне, женщина, нелегкий женский труд,
Свою судьбу, избитую годами,
В глазах твоих отсутствует уют,
А в сердце твоём дым,
Там где когда – то было пламя.
С тоскою смотришь ты
На свой прошедший путь
И говоришь, да мне ль жалеть о прошлом,
И, роясь в памяти, как в барахле ненужном,
Ты вспоминаешь свой нелегкий путь.

«Былое, быль, увядший свет зари...»

Былое, быль, увядший свет зари,
Метель, снега, и журавли,
Спешащие в безумство дня,
Где нет тебя, где нет меня.

И всё как прежде, испокон времён,
Беспечное создание на шаре,
И пылкий юноша без памяти влюблён
В мечту свою живущую мечтами.

Два этих призрака в полночной синеве,
Хрустальных клавиш дикое сплетенье,
Сквозь призму времени сверкающим лучом,
Сольются музыкой безумства, наслаждения.

Их вспыхнувший огонь осветит небеса,
Сверкающей звездой опустится на землю,
И сотый раз, как день настанет тьма,
И по миру пройдёт любовь неясной тенью...

Розовый дождь

Милая, выгляни в окошко,
Смотри там наша кошка
И опять идет розовый дождь,
Ты любишь, когда он приходит внезапно,
Бежим же скорей.
Возьми с собой хлебные крошки,
Мы покормим его с ладошки.
Мы растворимся как сахар
В его теплой воде
И поплывем ручьями по грязным канавам
Пустых кварталов
Прочь от рук глаз и ног.
Мы будем водой
И наша святость, и наша любовь
Будет вместе с нами
Гулять и смеяться, страдать и печалиться.
Бросим теплую печку врагам,
Пусть они греют дряблые кости.
Милая скорей, смотри, он улыбается нам,
Он приглашает нас в гости.
Бежим же, бежим,
Но ты вновь ускользаешь
Водой меж пальцев
И уплываешь с дождем.
А я, я опять остаюсь в пустоте

И нет ничего, лишь смерть
И тонкие струи дождя
Все стучат и стучат о былом.

«В твоих глазах...»

В твоих глазах
Ни озеро, ни море.
В них сотни миль
Водопроводных труб.
И в этих трубах воды
Всех морей бездонных,
И в этих водах плавает мой труп

«В безжизненных потоках вод...»

В безжизненных потоках вод
Талый вымерзший снег.
От того ль, что мой путь к звездам
Чуть затянулся,
Или я угодил в мутный поток
Бесконечно текущих мелодий?
Мне легко выбирать параллели,
Ползущие колесом
По бездорожной тьме
Моих опухших мозгов.
Скрип жаберных впадин из-под вуали,
Сладкий нектар змеиной отравы,
Жалом в бурный поток лейкоцитов.
Съеденной тыквой, повешенным твидом.
Самоубийство летящее ветром
И ароматом весеннего неба.
Как прекрасно поет соблазнительный голос,
Лязг и скрежет порванных нервов.
Дым от костра поднимается вверх
И небо плачет, жмурясь от света.
И я то ли вою, то ли кричу.
И с пальцев моих капает лето.
Ритуальный вальс через насилье,
Мучной аромат безжизненных губ,
Помиращий кролик со страстью вампира

Пожирает собственный труп.
И улыбается собственной смерти,
И наслаждается криками крови,
И плавится талый вымерзший снег
В теплых лучах благодатного солнца.

«Луна по бархату ночного неба плыла...»

Луна по бархату ночного неба плыла,
Пугая мертвым ликом
Святую сущность бытия.
И криком вечного молчанья
Ее лизали облака
И треснувшая гладь земли разверзлась
И из вечной мглы
Восстали духи зла.

«Пасмурным днем...»

Пасмурным днем,
Когда спят мои сны,
Я пою увертюры,
Слагаю стихи.
Я строю из буковок
Сказочный край,
Где бескрылые боги
Пьют крепкий чай.
Где коты наблюдают
За мерцаньем светил,
Где живу я сейчас,
Где когда-то я жил.
Маленький домик
Возле реки —
Там сейчас почивают
Мои сладкие сны.
Мое звездное небо
Несет меня вдаль
И повсюду незримо
Летает печаль.

«Я был рад беспечности незнания...»

Я был рад беспечности незнания,
Возвел бы сад, отягощенный знанием,
Но снег засыпал землю белым,
Впитав в себя всех тайн величье.
И скрипка пела, насладившись счастьем,
Выплескивая бархатные звуки,
Корежа небо, ожидая смерти.

«Товарищ высокого роста...»

Товарищ высокого роста
В сапогах и берете
Крикнул Пете:
– Послушайте Петя,
Что вы сказали Свете?
– Я, – ответил Петя
Товарищу в берете, —
Не говорил о Свете.
– Я вас спросил, что Свете,
А вовсе не о Свете, —
Сказал товарищ в берете,
А Петя улыбнулся,
Прищурился, надулся,
– Какой, простите, Свете, —
Сказал серьезно Петя,
– Не той ли, что в буфете
Мечтает о конфете?
– Да той, – сказал в берете
– Что я ее люблю, —
Проямлил тихо Петя.
Товарищ высокого роста
В сапогах и берете
Крикнул Пете:
– Молодец, я вас поженю.

«В моей влажной уютной помойке...»

В моей влажной уютной помойке
Роется маленький ящур.
В черных как дыры сплетеньях
Пускает влажную жидкость,
Уткнувшись ослепшей мордой,
Бродит по следу китайца,
Вдоль песчаных изгибов
Моих гниющих мозгов.
Я отрываю от тела
Время – карманный фонарик
И мажу по небу белым
Беспечно ползущим вьюном.
Спи мой заброшенный остров,
Покрытый мхом и словами,
Отныне свет пышного тела
Взмывает ногами лани.
В окаменелых берёзках
Гранитные слезы чеканя,
Я отлетаю от нотки
В поющие стены Китая.

«Умри мой страх, мой тлен и голод...»

Умри мой страх, мой тлен и голод,
Мои терзания в сумраке ночи,
Умри во мне о вечный холод
И ненависть моя умри.

Взойди ростком целебным, радость,
Любовь, беспечность, страсть,
Я так хочу быть виноградом
И никогда ни у кого тебя не красть.

«Паронитовые братья...»

Паронитовые братья
Пили уксус на дворе,
Говорили о погоде
В предстоящем сентябре.
Будет дождь, нет будет жарко,
Будет снег, нет духота,
Паронитовые братья
Простояли до утра.
Я нет, я еще по кружке,
Уксус кончился и тут
Паронитовые братья
Бух на землю, в землю плюх.
На дворе большом просторном
Возвели мемориал,
А сентябрь между тем
Никогда не наступал.

Иван Троегубов и его нелепая смерть

Иван Троегубов восходит на гору,
Томим интеллектом, пьянством и славой.
Иван Троегубов великий мыслитель,
Знаток всех религий и тайных соблазнов.

В походке его гениальности почерк,
В глазах его блеск предвестник свободы.
Иван Троегубов от мира уходит,
Чтоб насладиться царством природы.

Томимый соблазном во всем быть свободным,
Он выбрал свой путь наверх к небесам,
И чьи—то руки Ивана возносят,
И чьи—то губы припадают к ногам.
Иван как мыслитель плюет на них сверху
И смотрит, как жадно все лижут плевки,
И он поднимает голову к верху
И произносит: «В этом все вы».
Я буду птицей летать в поднебесье,
Я буду соколом плыть над землей,
Прочь, к небесам, от смрада и грязи,
Иван Троегубов – последний герой.
Оставшись один, он сидит на вершине,
Голодный, больной, не причесан и хмур.
Я одинок, я ничтожен и жалок,

Где же, ты, мой вселенский Амур?
Утроба Ивана наполнилась скорбью,
И он зарыдал, как раненый зверь,
Я жаждал свободы, как птица полета,
Но для чего же она мне теперь?
Теперь я свободен, но чувствую тяжесть
Теперь я велик, но величия нет,
Теперь я ничтожен на фоне природы,
Я мал, как лягушка, я гадок, как червь.

Глотнувши из фляжки целебного пойла,
Утоляющей жажду водицы живой,
Уснул Троегубов, но вскоре проснулся
Разбитым, несчастным, с больной головой.

Луна освещала окрестные скалы,
Звезды смотрели Ивану в глаза,
И волчья стая напротив стояла
И песнь распевала на все голоса.

Иван Троегубов опешил от страха,
Прочь, дикие звери, я гений, поэт,
Художник, мыслитель, я светоч эпохи,
Любимый народом философ, эстет.

Но кончилась песня, голодные твари
Сожрали мыслителя дум роковых.
Так дико, нелепо и страшно
Помер Иван Троегубов,

Но все же Иван Троегубов
Живей всех живых.

«Воздух после дождя...»

Воздух после дождя
Пахнет вином и червями,
Прохлада осеннего дня
Сладость, пьянящая радость,
Скрипит на зубах застревая.
Я тихонько зевая, пою или вою,
Что собственно с той или стою.
Познать откровенность запоя
И вниз, невзирая на камни,
Галчонком беспомощным сдохнув,
Воскреснуть кустом у сарая,
Всю жизнь под струями мокнув.

«Когда после долгого сна...»

Когда после долгого сна
Я выхожу помочиться в сад,
Движения плавны и ветерок
Треплет седеющий чуб,
Мне хочется стать собакой,
Что бы лизать твою плоть,
Или уплыть вместе с Гангом
За край четырех широт.
И встать воспаленным лицом
Печальными звуками корчась,
Мочусь и думаю: «блядь»,
Как скверно кончается осень.

Сон некрофила

Нашедший благодать в ореховой скорлупке,
Еще не раз вспомнит свои сны.
И ничего от глаз твоих не скроет,
И воспоеет в объятиях травы.
Небесная роса, покроеет кожу дамы,
Упавшей на траву, лицом красивым в грязь,
И не отмыть души прохожему изгою,
На тело мертвой бабы соблазнясь.
Не убоившись черных, трупных пятен,
Он задерет ее подол,
Не брезгуя ни гнилью, ни червями,
Он обречет себя на муки и позор.
Не управляя собственным рассудком,
Он будет грызть зубами губы, грудь
И разорвав руками чрево дамы,
Он ляжет рядом, что бы отдохнуть,
Потом проснется выжатым лимоном,
Найдет веревку, мыло и сучок,
И будет ветерок, да птичек клювы,
Трепать его остывший черепок.

Из сборника стихов «Марфа»

Сиамские рты

Пристанище сиамских ртов
На побережье вражьей скуки,
Тугая гладь пустых холмов,
Висящих от развратной муки.
Соленый воздух рыбьих пор
Иглой стучится в носоглотку,
Безудержья шальной напор
Качает вздувшуюся лодку.
И лопнуть ей пришла пора,
И брызнуть гнойничком упругим,
И с треском пали небеса,
И океаном стала суша.
Звучанья дикого восторг
Слезой соленой распрощался,
Знать вышел им до срока срок
И в тайнах невода остался.
А вы прилежных рук и глаз
Неноготворные приплоды
Вдыхайте сладостный экстаз
И пейте ртов сиамских воды.

Ангел

Ангел света,
Ангел тьмы,
Ангел люстры
И плиты.
Ангел праздничного дня,
Управдома и меня.
Ангел яблока и мышки,
Ангел духа и покрышки,
Ангел нет и Ангел да,
Добрый Ангел Ангела.

«Никому не скажу...»

Никому не скажу,
Не признаюсь себе,
Даже думать ни буду
Украдкой об этом.
Лучше в диком лесу
Удалью утоплюсь,
Лучше праздником утренним
Вскрою газету.
Напоюсь чешуей
До свирепой отрыжки,
Что бы течь мостовой
Огибая покрывки,
Что бы тело моей
Ненаглядной котлеты
Было знойным и долгим,
Как бешенство летом.
Не признаюсь себе,
Испугавшись мгновенья,
Полечу, как кораблик,
Ручьем воспаленья.
И закончусь в канаве,
Вобрав в себя тайну.
О которой не знаю
И думать не стану.

«Как прекрасно дерево...»

Как прекрасно дерево,
Когда я могу сказать – вот оно дерево.
И никто не вправе решить, что обманут.
Как прекрасно отсутствие дерева,
Когда я могу сказать – вот нет дерева.
И никто не смеет сказать, что я лгу.
Но насколько прекраснее то,
Когда я могу сказать —
Вот оно дерево, когда его нет.
И все поймут на сколько проста
Эта истина пней.

«Афтандил, попавший в сочетание...»

Афтандил, попавший в сочетание
Ветреных инструкций и светил,
Угодил в бездонное звучанье
И врата незнания приоткрыл.
Поступью плетущихся мгновений
Мир пленил влюбленного творца,
И толкнул его без сожаленья
В лапы упоенного венца.
Растворив в лучах нетленной славы
Славных начинаний круговерть,
Вряд ли встретишь ты кого печальней,
Чем вступившего на эту твердь.
Афтандил, закованный в успехи,
Устремившись в небо, рухнул вниз.
И гиен речистые коллеги
Полчищем по падшему прошлись.
И надломленная глыба мирозданья
Раскрошилась, превратившись в прах.
И бесплодное бездонное звучанье
Обрело вполне реальный АХ.

«Размеры глупости твоей...»

Размеры глупости твоей
Непредсказуемо шершавы.
Размеры скупости твоей
Немилосердно величавы.
Твои бескрылые глаза
Жестоки и многообразны.
Ведь ты не веришь в чудеса,
Но знаешь, что они опасны.
Твое желанье побеждать
Всегда соседствует с наживой.
И светлым даром убеждать
Ты действуешь довольно живо.
И сытостью взамен любви,
Наполнив страждущее сердце,
Взираешь одиноко ты
В пугающего света бездну.
И нет болезни излеченья
Среди пугающих зеркал.
Есть только боль и раздраженье,
Виной которым стал ты сам.

«Послушайте как трепещет...»

Послушайте как трепещет,
Зажмурьтесь не успокоившись,
Пошарьте в кармане кусочек
Заплесневшей корочки счастья.
Придумайте оправданье
Своим неудачным победам,
И прыгайте, брызгая сталью
Одухотворенных стремлений.
Побегами вашей морали
Взойдут обветшалые всходы,
Умоются желчью небесной,
Законов насытятся снами.
И сгрудившись в стылые кучи,
Научатся тайнам желаний,
Срывая набухшие почки,
И зарывая их в землю.

Твоя вагина

Твоя вагина пахнет цветами жасмина,
И влажность ее стебельков
Во мне пробуждает дремавшую лиру,
И сладость от новых стихов.
Твой маковый ротик мой впалый животик
Глодает, как косточку пес.
И в свете светила ты треплешь лениво
Копну моих сальных волос.
И я с наслажденьем пью сок вождельня
Из лона твоей красоты.
И воздух наполнен дыханьем эфира
И зноем французской любви.

«Еще не знали мы тогда...»

Еще не знали мы тогда,
Что так жестоко ошибемся.
Что печка нашего тепла
Всего лишь отблеск злого солнца.
Теряя памяти исток,
Приобретая черствость,
Я в лес гляжу, как серый волк,
Превозмогая робость.
Я не справляюсь с пустотой
И вечным униженьем.
Я позабыл, кто я такой,
За толщей раздраженья.
Я строил сад, он стал тюрьмой
И лабиринтом боли,
И не сыскать тропы иной
Средь пней моей юдоли.

«Мой глазик икотой наполнен...»

Мой глазик икотой наполнен.

Мой тазик набит простынями.

Мой носик кошмаром полночным завален

И заперт густыми усами.

«Я спать. Ты думаешь?»

Я спать. Ты думаешь?

Вздохай.

Столы уключе.

Чашка, чай.

Я сплю. Ты бдишь?

Я буду, только ты уснешь.

Я буду, после будет дождь.

И шторка, что б не брызгать стену.

И мылом душу и колено.

И простыней встречать рассвет.

Ты спишь? Я тоже нет.

«Все, все весна...»

Все, все весна.

Я видел трупик кошки,

Оттаявший из подольда.

Ворона отрывала крошки,

Клюв, погружая в потроха.

Смеялись дети, пили пиво,

И старички гурьбой брели,

И два влюбленных на скамейке

Беседу тихую вели.

Все, все весна.

Сказал я, не додумав,

И обронил печаль свою,

Лег рядом с трупиком угрюмым,

Теперь уж точно не помру.

«Пришел я в гости к лесорубу...»

Пришел я в гости к лесорубу,
Принес пол литра коньяка.
А лесоруб взял и заплакал.
Я от него ушел тогда.
Вообще, по совести, сказать,
Мне лесорубы так не очень,
Куда приятней поболтать
С колхозником или рабочим.
У них и юмор и задор,
Вино и девки к ним гурьбой.
Но все же этот разговор
Мне тоже, как-то не родной.
Я чувствую себя комфортно
В кругу приятелей своих,
Но от приятелей моих
Остался ныне только пых...
И я застрявшим утром в горле,
Смотрю на грязный потолок,
И понимаю в этом горе
Я бесконечно одинок.

«О вдохновенный ритуал...»

О вдохновенный ритуал
Давить червей ногой послушной.
Немилосердный светлый дар
Закравшийся в больную душу.
Но восхищенью твоему
На склоне праздного бессилья
Придет конец и вместе с ним
Червяк, не терпящий насилья.
Он упразднит твой светлый дар
И вдохновенное бездушие,
И прировняет тебя с тем,
Кого давил ногой послушной.

«Все суки на одно лицо...»

Все суки на одно лицо.
Все изворотливы и лживы.
От пудры их чело свежо.
И стройность тела похотлива.
Слагая гимны в честь блядей,
Подумай, прелестью обманут,
Что под покровом их грудей
Зла сети душу твою стянут.
Что сок, бегущий по ногам,
Не наслажденье, а отрава,
И что бугром зовется в старь
Не возвышение, а яма.
Не доверяй свою судьбу
В коварные и злые руки,
Если не хочешь на луну
Потом псом выть от смертной муки.

«Когда я просыпаюсь, то сразу улыбаюсь...»

Когда я просыпаюсь, то сразу улыбаюсь.
Затем я умываюсь и снова улыбаюсь.
Потом пью кофю и курю.
И тут уже я громко ржу.
Затем я одеваюсь и снова улыбаюсь.
Потом на улицу иду
И там опять я громко ржу.
Потом я возвращаюсь и снова улыбаюсь.
Затем я кушаю, пью чай,
Смеюсь, как будто невзначай.
Потом передеваюсь и снова улыбаюсь.
Затем смотреть кино иду.
Смотря кино, я громко ржу.
После кино иду пить чай,
Смеюсь, как будто невзначай.
Затем я умываюсь и тихо улыбаюсь.
В конце концов я спать иду,
И вот тогда уж долго ржу.
Затем я улыбаюсь и погружаюсь в лапы сна.
Ах, как печальна жизнь моя проходит.

«Утопи меня в рассоле...»

Утопи меня в рассоле,
Смой с меня все эти боли,
Все прокисшие юдоли
Удали с лица земли.
Помоги мне не засохнуть,
Порастрескавшись не сдохнуть,
Помоги мне излечиться
От греховной маяты.
Кровь моя вина кадушка,
Ешь и пей меня подружка.
Вырви жало этой муки
Из хворающей души.
Из глазниц моих бездонных,
Из ушей мох бесплодных,
Из нутра моей канавы
Камень этот извлеки.
Но к чему все эти слезы,
Эти ахи охи грезы.
Мир не больше чем подсвечник,
Жизнь подобие свечи.

«Бактерии, как грибы, развиваясь, кусаются...»

Бактерии, как грибы, развиваясь, кусаются.
Это я, это сны. Айн, цвайн, драйн, собаки слиплись,
Кто сможет разнять две плоти,
Спаянные силой инстинкта.
Вырежьте глаз у немой особи,
Чтобы взглянуть на осколок былого, вяло текущего быта.
Разлита сосудная жидкость,
Держать в кармане сито, выдвигаясь на пол шага.
Небеса свинцовым проклятием давят,
Не изменяя структур дна.
Жизнь с вареных сосисок, безвкусными комьями грязи
Ложиться вдоль сладких этюдов, утопающих в раме.
Гимн прелости, воспевая, трудно не позавидовать
Счастью опавшего дуба.
Простудой крошатся зуб за зубом,
Любовь иссыхающей жабой
Кряхтит и плющится камнем,
Слезой бирюзового солнца.

«Я летел весенней мухой...»

Я летел весенней мухой
Плавно в воздухе скользя,
Подо мною проплывала
Грязная земля.
Надо мною небо пело,
Я летел за кругом круг
И оранжевое солнце
Согревало все вокруг.
Про себя я вдруг подумал,
Мухой быть так хорошо
И у края, у дороги
Приземлился, сел в говно.

«Мне приснилась девочка...»

Мне приснилась девочка
Цветом глаз отдаленно о том,
Что, было то сон или вино,
Окно или двадцать тысяч иголок,
Четыре ножки, ежик или может быть сплю?
И бабочка шепчет на ушко —
Я ли девочка цветом глаз обнаженного юга,
Или грибы под окном в два этажа,
Или просто люблю?
Но кто заметит отметку на лбу,
Когда уносит свежего ветра поток
Вдаль, под потолок.
Солнцем,
Ромашкою,
Лебедой.

Ма Р фА

Скажи родная Марфа,
Скажи родная всеу,
Откуда же нам это?
Откуда же все это?
И нам тихоня Марфа,
Тихохоньякая Марфа
Тихонько отвечала.
Откуда же мне знать-то
И ведать мне откуда?
На том и порешили,
На том и распрощались,
Мы с родною-да с Марфой,
С тихохонькой такою.
И Марфа по дороге
По стылой по корявой,
Тихохоньякая Марфа
Поперлась восвояси.
А мы остались плакать
О том что днем укрыто,
Что спрятано покровом
Ночных небес и далью.

«Сколько утренних закатов...»

Сколько утренних закатов,
Простыней, помятых ватных
одеял, оскалов мятных
Израсходованных дат?
Табака и водки с чаем,
На подушках слез, печалей?
Сколько, сколько обручальных
Возвратившихся назад?
Им отсчет ведут не цифры,
Тонны съеденного сала,
Горы вымытой посуды,
Будней тусклый свет гирлянд.
Сказки синего экрана,
Кухня, туалет и ванна,
Скука тесного дивана,
Да воскресный спец наряд.
Красота, любовь и счастье
Растворились в сне уюта,
И от сладостного чуда
Лишь остался мерзкий смрад.

«Вечность кажется маленьким летающим шариком...»

Вечность кажется маленьким летающим шариком,
Розовой капелькой, из проколотого иголкой пальчика,
Капающей на гладкую поверхность ковра.

«Не один из смертных...»

Не один из смертных
Не видел лица этих стен,
Не входил в эту реку дважды,
Не прошел сквозь врата этих капель
И не вернулся обратно.
Звон тишины омывающей ноги,
Достучится до скважин сознания,
До изгибов прокисшего хлеба,
До светлых праздников нового года.
Кусочками мутного сонного пекла
Он вымостит путь к погребальным урнам,
К столбам, что помнят тел перезвоны.
И глаз, слезой поминальной молитвы,
Насытившей солью слой перегноя,
Останков вороны слона и собаки.

«Чуть вскрипнула кровать...»

Чуть вскрипнула кровать
под балдахином ночи,
твои отравленные
голодом уста
порезались об уст моих
картонные слова.
И вскрылись в пламени свечи
давно поставленные точки.
И ты с рассветом отошла
в иные пустоши
в иные завиточки.

«Не за талию кочевник...»

Не за талию кочевник
Полюбил украдкой взор твой,
Не за утреннюю песню
Отчеканил камень дня.
И пророс сквозь сны в надежде
Покорить текущий стан твой,
И на кончике меча
Вынуть сердце из тебя.

«Прожигающий безудержность своих откровений гений...»

Прожигающий безудержность своих откровений гений,
Вгрызаясь в раздробленность тени,
Высекает из отсыревших пальцев последние искры
В надежде вспыхнуть,
Хотя бы зажечь погасшую спичку.
Но губы его словно вязаный пояс,
Крошатся стружкой, трясутся как дети
И глаз его петли все сходятся туже
И светятся каплями лунной капли.

«Сольется дождь...»

Сольется дождь
С твоим созвучным телом,
И хлынет из тебя
Поток речей ручей,
Блестя на солнце
Золотым и спелым,
Из недр твоих
На бархат простыней.
И косяки усталых рыб вопьются
В твои изъеденные лаской тела,
И извергая стоны разобьются
Твои отравленные болью голоса.
Из ледниковых створ,
Кустами прорастая,
Сады твоей не вытекшей любви,
Застряв меж камешков, созвучий утопая,
В болотах мха, осоки, конопли.

«В шарике девочка...»

В шарике девочка
Без ножки танцует под музыку
Странный танец.
И никто не знает чего она хочет.
И только я,
Мне кажется, понимаю
За что она так страдает.
Не за идею всеобщего братства,
И не за мир во всем мире,
Просто ей хочется казаться
Немного лучше
Чем она есть на самом деле.

«Весна простудой в двери постучалась...»

Весна простудой в двери постучалась.
Снежком колючим цвет зари пожрав.
Весна во всей своей красе настала,
И ты еще прекрасней став,
Пропела в тишине пахучих лип
Рапсодию порхающей страницы,
И скрип твой сладостный,
Разрушив все границы,
Вдруг стал лучом, переходящим в крик.

«Подыхая в сортире от вони...»

Подыхая в сортире от вони,
Пробивая гвоздями ладони,
Пропивая последние зубы,
Чувствуя пересохшим ртом
Влажные губы иуды,
Хочется петь
От не выносимой простуды.
И с веревкой на шее,
Увидеть ангела лик.
И бодрый апрельский снег,
Как дряхлый старик
Закроет уставшие очи,
И ближе к ночи,
Растает вместе с ним,
Как сизый дым.

«Сколько ей было, когда она впервые...»

Сколько ей было, когда она впервые
Отправилась в лодке своей
По мутной воде бесконечного сна?
В ее пальцах дремала печаль,
Ее веки хранили чуть слышные вздохи,
И ей было чуточку жаль,
Проплывающих мимо людей.
Ее волосы словно постель,
Оплетали усталые ноги,
И уста трепетали от жажды.
И она просыпалась в поту,
В пахнущем гнилью сарае,
И сквозь щель в потолке, смотря на луну,
Беззвучно общалась с богами.

«Я там, где ты прольешь свой отголосок дня...»

Я там, где ты прольешь свой отголосок дня,
Где скинешь свет своих усталых будней,
Где растворишься холодом огня
И преподашь как виноград себя на блюде.
Я у твоих приспущенных ресниц
Влачусь по бархату припухлых щечек.
Я влажность твоих губ, прохладность белых плит,
Где возлежишь ты словно виноград на блюде.
Я охраняю твой глубокий сон.
Я поглощаю тебя гроздь за гроздью.
И просыпаясь, ты течешь вином,
Хмельною негой, растекаясь по моей утробе.

«Где-то качается лодочка...»

Где-то качается лодочка
Словно кончается запах пота
Где из-под мышек твоих,
Кошек торчат хвосты,
Завязанные в узлы.
Это что-то похоже на скальпель
Или персик в разрезе ядра.
То ли маленький зайчик
С протянутой лапкой
Просит отведать капусты яйца.
Но где же мне взять колпак,
Для того что б звучал мой глагол?
Чуть слышно, как светлую даль
Переполняет твой стон.
Граф, графоман, маньяк,
Ему лишь, откуда мне знать
Бульками меря твои телеса,
Хочется прорасти, прорастрчивая слова.
Возвышенным слогом столбцов
Вылизывать знатные плечи,
И тонким своим язычком
Вникать в анатомию речи.
Славься простуженный гусь,
Несущий в себе пару яблок,
Не всякий язык в ней могуч,

Не всякий ей дорог подарок.

ПОСВЯЩЕНИЕ К. Н. В.

С чем стихов твоих дубравы
Снегом утренним заря?
Есть тепло – не нужно славы,
Нет тепла она нужна.
У поэта праздник лета
В написании стихов,
И не важно тундра ль это
Или грохот городов.
Для поэта все едино,
Он в плену своих страстей,
И покуда терпеливо
Он слагает свой ручей,
Плещет строчки на бумагу,
Изгибаясь и кряхтя,
Лишь бы муза посещала,
Лишь бы страсть в груди жила.
Все ему на свете любо,
Все ему приносит боль,
Но его не взять простудой,
Одиночеством, едой.
Он всегда голодный словом,
Рифмы, мысли, чудеса —
Вот его прерогатива,
Такова его стезя.
Он идет с любовью в ногу

Под ударами судьбы,
Ведь поэт любимец Бога,
Жалко, что не стал им ты!

Что за зверь человек

Седовласый старец,
Национальность явно не негр,
Разрезом глаз слегка узкоглаз,
Если не Шу, то и не пацифист,
Явно китаец, хотя, кто его знает.
Старец он даже в Африке старец.
Вот еще – старец – неандерталец.
Такой оборот принимает другое звучанье,
Напоминает мистерию или мычанье.
Неандерталец – танец его пестрит
Всевозможной игрой окончаний,
Букв сочетания, переплетенья мечтаний.
И вот, кости собачьи, кошачьи на круг,
Он пьет из ладоней все, что предложено небом
И чертит пальцем песок.
В этом знаке таится нечто
Непохожее на оборот
Солнца вокруг перепревшей кучи.
Это старец-неандерталец напраслину шлет
На задремавшие тучи,
И просит продлить свой бессмысленный век.
И мальчик с острова Пасхи
В надежде услышать ответ
Спросит: «скажи мне старец,
АЧТОЗАЗВЕРЬЧЕЛОВЕК».

«Стойка и скворечник...»

Стойка и скворечник

Пели песни пусни.

Ах, какие пусни,

Ух, какие песни.

Трям, трям.

Брык, бряк.

Русская зима

Прекрасна русская зима
С ее морозами и снегом.
Хрустит тугая корка льда
На озере под человеком.
Сопливы красные носы,
И барышни с утра похмельны,
И греют морды мужики,
Махая кулаками нервно.
И вся природа видит сны,
Укрывшись снежным одеялом,
И трупы дремлют до весны
Противясь тлению упрямо.
Ломают руки старики
Дорогою до магазина,
Лишь обездомленные псы
На все это глядят тоскливо.
А детворе все нипочем,
Она всему на свете рада
И восстает за комом ком
Из снега слепленная баба.

«Сладок сон унылой осени...»

Сладок сон унылой осени,
Привкус горечи на треснувших губах.
Ах, зачем меня вы бросили,
Ох, зачем я бросил вас.
Долго мы вели войну окопную,
То пасуя, то идя ва-банк,
Ах, зачем вы душу мне морочили,
Ох, зачем морочил вам дурак.
Сладостных мгновений одиночества
Вы дарили мне с избытками, с лихвой,
Ах, зачем я ждал вас ночи темные,
Разбавляя дымом воздух злой.
Вы сожгли дотла мой сад сиреневый
И втоптали пепелище в грязь,
Ах, зачем меня вы поздно бросили,
Ох, зачем я рано бросил вас.

«Как тайна шелушится...»

Как тайна шелушится
Чешуйками на солнце,
Как ветер их разносит
И прячет их в траве.
Мудрец венки сплетая,
Чешуйку обнаружит
И прикоснется к тайне,
И тихо скажет – «БЕ».
Потом его зарежут,
Отварят в чане ногу,
А голову с рогами
Потащат на базар.
И гадко усмехнется
Прохожий покупатель
И спросит – «Эй приятель,
Что хочешь за товар».

«Дояр Петров ненавидел коров...»

Дояр Петров ненавидел коров.
Однако, любил доярку Клавку.
А Клавка напротив любила коров.
И что бы жениться на Клавке Петров
Коров полюбил, как доярку.
Они поженились и вскоре Петров
Стал ненавидеть Клавку.
За то, что та невзлюбила коров,
Потому что их тискал дояр Петров
Так как не тискал доярку.
Они разошлись через несколько зим.
Клавка скончалась, дояр запил.
А жизнь, она в общем то странная штука,
Что до любви наперед вам наука.

«Я жеманница...»

Я жеманница.

Не от того, что толста моя задница,

А грудь сладка, как березовый сок,

А от того, что ты одинок

И тело мое тебе нравится.

Похотливый дружок.

Жертвоприношение

Заставь меня войти в твои покои,
Иначе я засохну и умру.
И вскрой все язвы переполненные гноем,
Иначе я совсем с ума сойду.
Иначе вкус стерильных откровений
Разъест все стенки моего нутра,
И я червяк, питающийся гнилью,
Замкнушь петлей на горле у себя.
Героев век бесспорно разноцветен,
Но свет глазам моим приносит боль,
Я некое соцветие из плевел
И жизнь моя засохшая мозоль.
Я прячусь от улыбок и соблазнов,
Боясь ненужных слов и немоты,
Я растекаюсь беспросветной грязью,
Губя твои цветущие сады.
Я неудачник, век мой долог,
Смирись с нелегким бременем невзгод,
Но если я тебе не так уж дорог,
Беги подальше от моих забот.
Беги покуда запах тлена
Еще не свил гнезда в твоих глазах,
Беги от изнуряющего плена,
Беги от опьяняющих забав,
От саморазрушения и боли,

Невыносимой пытки бытия,
От этой отягчающей юдоли,
Беги, беги скорее от меня.
Спасай свою лучистую улыбку,
Изящество и трепетность любви,
Беги, иначе я войду в твои покои
И утащу на дно своей дыры.

Боги

Боги были богаче
Колеса человека.
Боги были умнее
Позолоченных тканей.
Боги были свирепее
Сотни заточенных палок.
Но все это было когда-то,
А ныне этого нет.
Люди стали беднее
Сталью расправленных крыльев.
Люди стали глупее
Бархатом гладких одежд.
Люди стали свирепее
Всех живущих когда-то на небе.
Люди стали богами
И боле надежды нет.

«Отпущенная в слове реальности бытийность...»

Отпущенная в слове реальности бытийность,
Ненайденная словом реальность бытия,
Налипла позолота и слово стало бытом,
И быт пожрал реальность, оставив лишь слова.
В отместку за нелепость вдруг слово стало буквой,
А буква растворилась в пространствах пустоты,
И стало все как прежде, до сотворенья мира,
Не познанное нечто с желаньем не-мо-ты.

«Из весла семи уключин...»

Из весла семи уключин,
Под водой восьми морей,
Девять кактусов колючих
Строят планы на людей.
Одинокий дремлет филин,
Занимаясь смыслом сна,
И повсюду бредит зноем
Заскорузлая трава.
Пот струится тихомолком
По челу больной любви,
Кот, резанный двустволкой,
Вхож в уютный дом осы.
И ослы слагают гимны
Правде высохших идей,
Снами розовые мысли
Отлетают от ушей.
Бой ведут войска Полкана
Против лис и конопли,
И петель Семирамиды
Распускаются сады.
В них и дыни, и арбузы,
И больших орехов кладь,
Где медузы греют пузы
И боятся опоздать.
Но проточной неги демон,

Время по миру пустив,
Выжег на асфальте мелом
Край плиты, молитв мотив.
Где великий кормчий праха
Отворяет печи пасть,
Где двуногая собака
Режется о века наст.
И течет поток унылый
Нечистот прокисших дней,
И пускает молчаливо
Пулю в рот Отец речей.

Вакханка

Вакханка бедная моя,
Одна сидишь ты у сарая.
И ждешь, когда придут друзья
И чинно вскроют пробку рая.
И хлынет сок целебных сил
По венам скуки одичалой,
И выйдет выхлопом густым
Вся боль и грусть твоей печали.
И запрокинувшись назад,
Ты примешь всех друзей голодных,
И от щедрот твоих услад,
Они оставят труп твой потный
На растерзание словам
И на прощение богам.
А ты сольешься с ветра песней
И поплывешь в страну теней,
И скажешь – Боже милосердный,
Хотя бы тридцать грамм налей.

«Светло ли небо души твоей?»

Светло ли небо души твоей?

Светло, да только стаей черных птиц

Его давно заволокло.

Тепло ли сердце души твоей?

Тепло, да все лишь от углей,

И видно скоро уж от них

Останется одна зола.

А что ж душа?

Душа моя больна,

И нет у ней врачей.

И что же дальше?

Дальше что?

Ручей и смерти молоко.

«Три гневных пса...»

Три гневных пса,
Три светлых ортодокса,
Три головы у пня,
Ни слова, ни полдня,
Лишь пустоцвет и солнце,
Да запах ковыля.
Я, огибая струны временные,
Мчусь вне пространства,
Вне бумажных стен,
Латая горлом радужные мили,
Глотая легкими тяжелый воздух сфер.
Дробясь на атомы лучистых перезвонов,
Слагая в папки ворохи судеб,
Я робкий ветерок несущий стоны,
Подвергнутых коррозии сердец.
Печальных глаз неистовые вздохи,
Плетут капканы счастья своего,
Но плодородия поля бездонны,
В них счастья пустота
И миром правит зло.
И их покой не требует осмотра,
Нет двери, к ней не подобрать ключа,
И охраняют их
Три светлых ортодокса,
Три гневных пса,

Три головы у пня.

«Я и мир...»

Я и мир,
Мир и Я.
Мир во мне
И в мире Я.
Мир вокруг,
Но мне ни я
Протяжный звук
Гения – Я мир.
Вокруг словом
Из небытия
Вычленил
И слово Я,
Слово мир
И мир слова.
Словно Я и мир
Во мне, но мнения
Излишни все.
Покуда умер Я
И мир со мной,
И мир во мне,
И те слова —
Я мир,
Мир Я.

«Премудростью буковок-крюковок...»

Премудростью буковок-крюковок,
Слагаюсь шепчу понимания.
Но вынимая из темени
Встречаю повсюду лишь...
Клевером ноги опутаны,
Волосы ласковой проседью,
Мутными стеклами памяти.
Но сколько их спрятанных камешков?
Ну что же не все скоту праздники,
Морозом подернулась кожица
И прямо во белы сандалики,
И в рай по дороге корежиться.
Слагаю слогов окончание,
Но все мне не впрыгнуть в летящее,
Что б славными брызгами старости,
Наполнить корыто и тазики.

Из сборника стихов «В пространстве куба»

Стихи...

Чем напитать стихи?
Божественной росой,
Иль выделениями желчного нутра?
Неописуемой земной тоской,
Иль радостью шального ветерка?
Во что их облачить,
В бриллианты и порчу,
Иль рубище, бульжники и грязь?
И как, заставить их – благоухать,
Или напротив, приказать вонять?
Что вылепить, построить, воссоздать,
Строеньем рифм направленных к душе,
Или взорвать, разрушить, разломать,
Что в сердце теплится и роится в уме?
Воспеть прикрасы, свет любимых глаз,
Иль ненависти черной пустоту?
И что вообще есть стих —
Божественный экстаз,
Или проклятие, рожденное в аду?

В пространстве куба

В пространстве куба
Будет ли прозрачней
Цвет выделений железа,
Раскрой закатную
Неумолимость счастья
И разрывая ткани швы
Ползи.
Ползи до сгустков иступленья,
Ползи до ломоты в спине
И пусть в кубическом пространстве
Ты от стены ползешь
К стене.
Все ж не напрасен труд безумца,
Кричащего в тугую твердь,
Твой куб всего лишь форма гроба,
Осталось только умереть.
Что б просочиться в мир унылый
И вспыхнуть спичкой на ветру,
И превратившись в кучу пепла,
Понять – все это ни к чему.

«Мыслить рисунками —...»

Мыслить рисунками —
Такая уж это вещь небывалая?
Разве не выпита сливой сиреневой
Капля за каплей вина окаянная?
Разве же смелого сокола около
Стая павлинов затеяла плясбище,
Разве же все это камень иль пастбище,
Мирно пасется, несется, куда?
И невозможно поймать убежавшее
За горизонт, не считаясь с конца,
Мы проживаем все после и Господи
В этой печали вся наша вина.
В этой секунде разящего голода,
В этой минуте плывущего счастья,
Тонны закопаны грязи и золота,
Тонны ненужной опасно блестящей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.